

С.Л.Кузьмин

СТРАТИГРАФИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СТАРОЛАДОЖСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ VIII-X ВВ.

S. Kuz'min. The Stratigraphy and Some Problems of History of the Old Ladoga Settlement Dated by VIII-X Centuries.

The city of Ladoga is mentioned in some of the chronicles as the first residence of Rjurik, the founder of the princely dynasty of Rus', but its recent fame is mostly due to extensive archaeological study. Conducted on a scientific basis for more than a century, this has produced in the last few decades a unique dendrochronological scale allowing scholars to attach precise dates to the successive strata. Located on the lower Volhov, close to its junction with Lake Ladoga, the site provided Scandinavian migrants and merchants with convenient access to the river system of the Eastern Europe, and the first Scandinavian colony appeared there as early as the mid-750s. It is often presented as the nucleus of the future city, rather prematurely in fact as it was soon destroyed by the local, probably Slavic population. The emergence of the city of Ladoga was by no means a linear process. In the confrontation between Scandinavians and indigenous tribes, the settlement was burned to the ground several times and its population changed. Its history is traced here stage by stage and stratum by stratum. The stratigraphy, differently described by three generations of scholars, is brought to a unified system of reference. Eleven strata or levels are distinguished in all, from the mid-8th to the late 10th century, each dated by dendrochronology. The buildings of the different levels are presented on a series of plans which allow the reader to follow the evolution of settlement on the site; the material culture typical of each level is briefly characterised. The most remarkable outcome of this evolution is the emergence of a new synthetic culture, typical of Ladoga (and sometimes improperly described as the *sopki* culture), which combines Nordic and Slavic elements and which announces the culture of the medieval Rus'.

Старая Ладога остается одним из ключевых памятников при изучении начальных этапов истории Северной Руси. Это единственный древнерусский город, где выявлена непрерывная свита слоев VIII-X вв. с органическими остатками, для которых возможна разработка дробной стратиграфии с абсолютными датами, опирающимися на данные дендрохронологии. Находясь на стыке культурных миров раннесредневековой Европы, она испытала разнородные влияния, что нашло отражение в ее археологических материалах. На основании их пристального исследования возможно решение целого комплекса вопросов генезиса древнерусского общества и его культуры. Первостепенное значение при этом имеет разработка и уточнение хронологии восточноевропейских древностей. Успехи в изучении культурного слоя Старой Ладоги к концу нашего столетия отчетливо обозначили направления и перспективы научного поиска.

Внимание исследователей с начала XX века было приковано к т.н. Земляному городищу (Репников 1904:57-60). Здесь, на небольшом участке, ограниченном и частично перекрытом валами XVI-XVIII вв., локализируются древнейшие слои, относящиеся ко 2-й пол. VIII в. Изучение Земляного городища в течение всего нашего столетия ведется несколькими поколениями археологов.

В 1911-1913 гг., впервые в практике отечественной археологии на сравнительно широ-

кой площади Н.И.Репниковым были раскрыты прекрасно сохранившиеся остатки деревянных сооружений. Эти раскопки велись на самом высоком в то время методическом уровне. К сожалению, их результаты были опубликованы много лет спустя (Старая Ладога 1948). С 1938 г. работы на Земляном городище продолжила экспедиция под руководством В.И.Равдоникаса. В течение полевых сезонов 1938-1940, 1945, 1947-1950 и 1957-1959 была вскрыта почти вся площадь внутри валов Земляного городища, доступная для изучения. В 1970-1980 гг. небольшой участок к западу от раскопа В.И.-Равдоникаса исследовал Е.А.Рябинин. Параллельно развернулись раскопки В.П.Петренко на Варяжской улице, на левом берегу р.Ладожки. Одним из результатов этих работ стала разработка Н.Б.Черных староладожской дендрохронологической шкалы. С 1984 г. раскопки северо-западной части Земляного городища ведет экспедиция А.Н.Кирпичникова.

Материалы Старой Ладоги отразились в многочисленных публикациях. Без их учета невозможно представить сколько-нибудь серьезное исследование по проблемам ранней истории Руси и ее связей со странами Северной Европы. К великому сожалению, сводного монографического исследования, освещающего все аспекты культуры раннесредневековой Ладоги, за прошедшие годы так и не появилось.

Основой систематизации и интерпретации ладожских материалов может послужить стратиграфическая схема, позволяющая синхронизировать сооружения и находки на различных участках поселения, исследованных в разные годы и разными исследователями.

Хорошая сохранность органики и применение метода дендрохронологии позволили разработать дробные стратиграфические схемы средневековых культурных напластований некоторых городов Северной Руси. Старая Ладога в их числе.

Определение даты строительных остатков с точностью до одного года позволяет выделять ярусы — горизонты синхронных построек и слоя, накопившегося за время их существования. Надежная шкала абсолютной хронологии предоставляет замечательную возможность корректного сопоставления данных археологии со свидетельствами письменных источников. Такая методика прекрасно себя зарекомендовала, что, например, блестяще подтверждают многолетние работы Новгородской экспедиции.

В Старой Ладоге культурные напластования с органическими остатками сохранились на т.н. Земляном городище и на левом берегу р. Ладожки в районе Варяжской улицы. Специальных работ по зонированию «мокрого» слоя середины VIII — начала XI вв. не производилось. Однако, разведочные раскопы Староладожской экспедиции ЛОИА 1984 г. (Кирпичников 1986: 9) и многолетние наблюдения сотрудника Староладожского музея-заповедника З.Д.Бессарабовой (Бессарабова 1995: 50-54; Бессарабова 1996: 25-28) и сотрудника института «Спецпроектреставрация» Н.К.Стеценко (Стеценко 1995: 17-19) показывают, что площадь его распространения достаточно компактна и не превышает 2-4 га. Это позволяет считать разработку стратиграфии «мокрого» слоя поселения, основанную на выделении ярусов на отдельных участках и их последующей синхронизации, вполне возможной (Табл. 1).

Начиная с работ Н.И.Репникова, В.И.Равдоникаса и Г.П.Гроздилова, в исследованиях о Старой Ладоге такая тенденция наметилась (Старая Ладога 1948; Равдоникас 1949; Равдоникас 1950; Гроздилов 1950). Частично она была реализована О.И.Давидан (Давидан 1976). Стоит отметить, что выделение горизонтов синхронной застройки не было самоцелью данной работы, а преследовало задачу уточнения хронологии нижних слоев Земляного городища традиционным путем датировки находок по аналогиям в сопредельных регионах. Некоторые наблюдения О.И.Давидан впоследствии подтвердились, некоторые расходятся с вновь полученными данными.

Раскопки Е.А.Рябина на Земляном городище, В.П.Петренко на Варяжской улице и создание Н.Б.Черных ладожской дендрохронологической шкалы имеют первостепенное значе-

ние для обоснования возможности и необходимости использования ярусной стратиграфии при изучении материалов раннесредневековых слоев Старой Ладоги (Рябинин 1985; Рябинин, Черных 1988; Черных 1985; Петренко 1985; Черных 1996: 107-119).

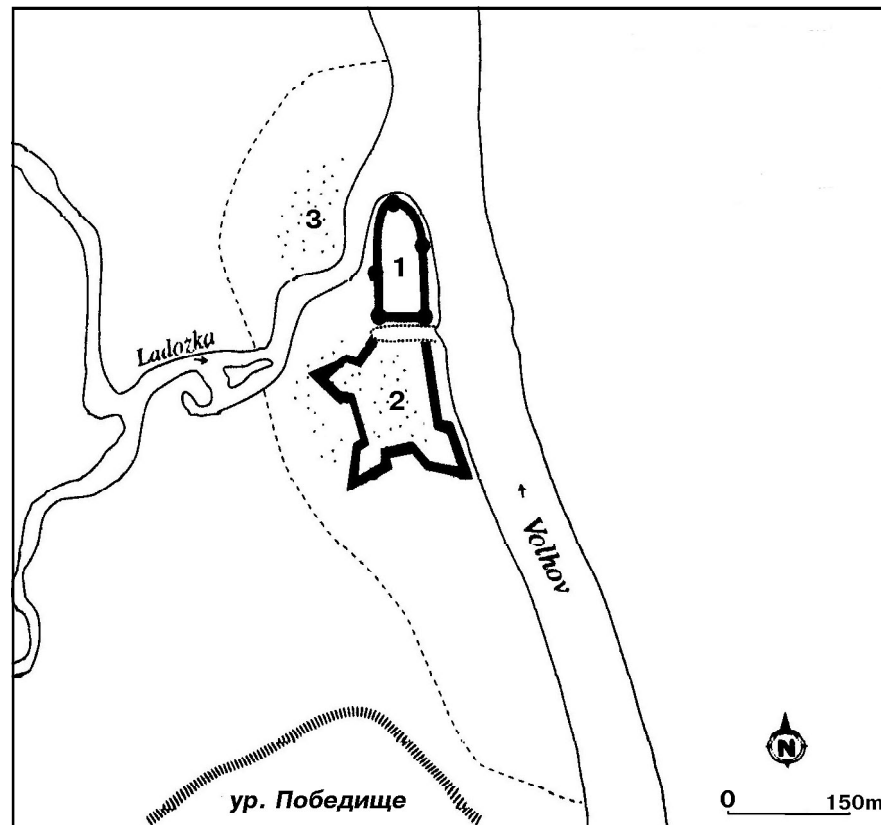
В 1986 г. мной совместно с А.Д.Мачинской была предложена стратиграфическая схема из 11 ярусов для смыкающихся раскопов Н.И. Репникова, В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябина в центральной части Земляного городища (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986). Небольшие работы по доследованию постройки, оставленной в 1947 г. В.И.Равдоникасом на дне раскопа, предпринятые автором в 1986 г. в рамках работ Староладожской экспедиции под руководством А.Н.Кирпичникова, внесли в нее определенные коррективы, что нашло отражение в дипломном сочинении автора (Кузьмин 1988). По стечению обстоятельств опубликовать это исследование в развернутом виде до последнего времени не удавалось (Кузьмин 1998). Однако, предложенная стратиграфическая схема из 11 ярусов получила высокую оценку и признание (Лебедев 1996: 112; Лесман 1996: 59; Назаренко 1997: 112-114) и активно используется многими исследователями (Джаксон 1993: 153-154, 163, 184; Мачинский, Мачинская: 1988; Петров 1996; Френкель 1997: 127-128 и др.).

В 1991 г. закончился первый этап раскопок А.Н. Кирпичникова в северо-западном бастионе Земляного городища и его результаты оказались вполне сопоставимы с ярусной стратиграфией участка раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябина (Кирпичников, Назаренко 1997).

Сравнение стратиграфических подразделений трех различных участков культурного слоя Старой Ладоги, где исследована значительная площадь¹, позволяет говорить о принципиальной возможности относительной и абсолютной синхронизации выделенных «ярусов», некоторых «слоев» раскопа А.Н.Кирпичникова и «основных строительных горизонтов» раскопа В.П. Петренко. Следы пожаров, соотношение лепной и гон-

¹ Площадь в центральной части Земляного городища, вскрытая в ходе полевых сезонов 1911-1913 (Н.И.Репников), 1938-1940, 1945, 1947-1950, 1957-1959 (В.И.Равдоникас), 1973-1975, 1981-1982, 1984-1985 (Е.А.Рябинин) гг., колеблется в пределах 2300-2500 кв.м. Следует учитывать, что Н.И.Репников не использовал принятую современной методикой 2-х метровую квадратную сетку пикетов. Это обстоятельство затрудняет точное определение исследованной им площади в пределах раскопа с «ломаными» очертаниями. Раскопы В.И.Равдоникаса также имели неровные очертания и на разных уровнях их площадь отличается. Слой ниже некоторых построек горизонта Е В.И.Равдоникасом не исследовался. Его раскопы частично «накрыли» раскоп 1911-1913 гг. Большие дома, исследованные Е.А. Рябинин, были открыты еще В.И. Равдоникасом, но в 1950 г. работы на этом участке были приостановлены. Однако, именно «пересечение» раскопов раз-

Табл. 1. План распространения культурного слоя VIII — X вв. Границы распространения слоя с лепной керамикой, границы распространения слоя с органикой VIII — X вв. 1 — каменная крепость; 2 — Земляное городище; 3 — район Варяжской улицы.

чарной керамики и серии дендродат делают такую синхронизацию достаточно надежной и точной. Результаты проделанной работы обобщены в табл. 3.

Остановимся подробнее на обосновании выделения ярусов и определении их хронологии на участке, исследованном раскопками Н.И.Репникова, В.И.Равдоникаса и Е.А.Рябиной². Важно уточнить, как соотносятся яруса с горизонтами и микрогоризонтами стратиграфических схем В.И.Равдоникаса, О.И.Давидан и Е.А.Рябина, ставших общепринятыми. В силу специфики накопления культурных отложений на разных этапах жизнедеятельности на дан-

ных исследователей позволяет достаточно точно определять взаимное расположение открытых в них объектов.

Площадь раскопов В. П. Петренко на Варяжской улице и А.Н. Кирпичникова в северо-западном бастионе Земляного городища, на участке, исследованном до материка, составляет около 600 и около 160 кв. м соответственно.

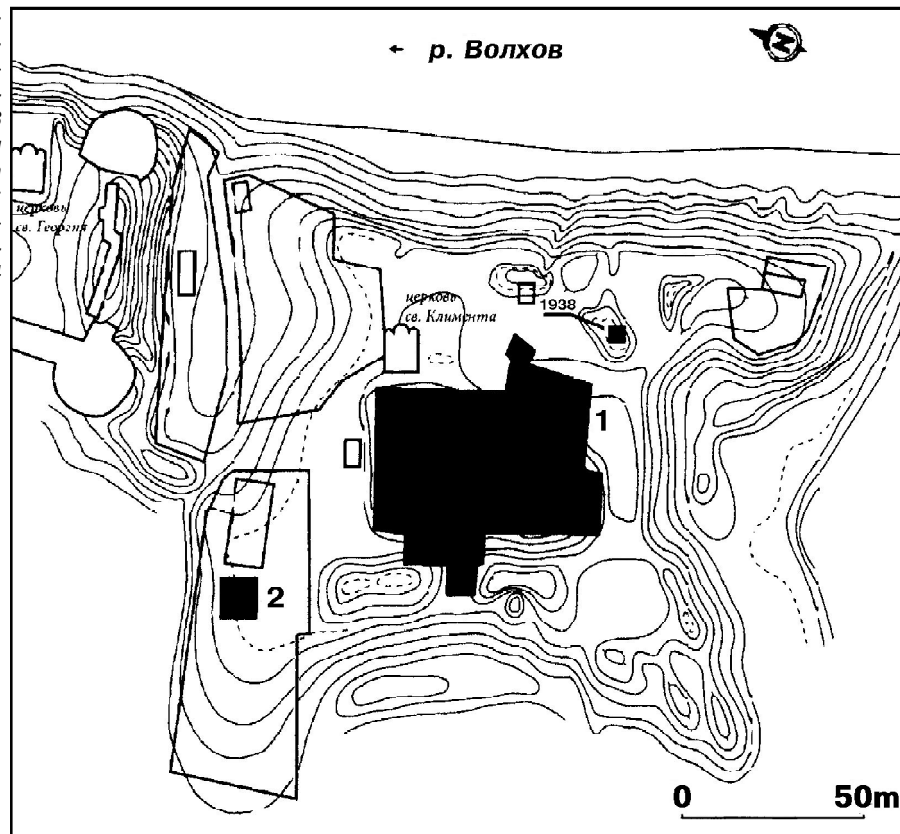
Таким образом, в настоящий момент слои VIII-X вв., сохранившие органические остатки, исследованы на площади, не превышающей 3250 кв.м. Это может составлять от 8 до 16 % напластований указанного времени. Однако, отложения середины VIII — начала IX вв. выявлены только в пределах раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябина, а степень их изученности может составлять более 50%.

² Источниковедческой базой исследования служат публикации и архивные материалы. Автор выражает глубокую признательность О.И.Давидан и Е.А.Рябину за предоставленные материалы и ценные консультации.

ном участке поселения, рассмотрим выделение ярусов внутри горизонтов общепринятой схемы от верхних слоев к нижним, т.е. в следующем порядке: Д, Е1, Е2, Е3. Описание и характеристика ярусов, выделенных внутри общепринятых горизонтов, будут приведены в обратном порядке: от занимающих нижнюю позицию к вышележащим (Д — VIII, IX, X и XI яруса; Е1 — VI и VII яруса; Е2 = V ярус; Е3 — I, II, III и IV яруса).

Верхние слои Земляного городища с сохранившейся органикой, характеризующиеся плотной застройкой, были выделены В.И.Равдоникасом в горизонт Д. Уже тогда был замечен факт асинхронности сооружений этого горизонта, содержавшего не менее 2-3 слоев перекрывающих друг друга построек (Гроздилов 1950: 148-150). Однако специальной работы по их расчленению не проводилось. Плотность застройки облегчает фиксацию связи строительных комплексов по горизонтали, в пределах яруса, и их соотношения по вертикали, в случаях перекрывания постройки одного яруса постройкой другого. Основным критерием отнесения сооружения к определенному ярусу была фиксация его положения в «пачке» перекрывающих друг друга комплексов. Число таких «пачек» для горизонта Д не менее 10, и они охватывают практически всю площадь раскопов в центральной части Земляного городища. Заметим, что подобная методика применима и для горизонта Е. Другими критериями разделения строительных комплексов горизонта Д по ярусам являлись:

Табл. 2. 1 — раскопы Н.И.Репникова (1909 — 1913), В.И.Равдоникаса (1938 — 1959) и Е.А.Рябина (1973 — 1975; 1981 — 1985); 2 — раскоп А.Н.Кирпичникова (1984 — 1991).

- характер заполнения построек и структура прилегающего к ним слоя
- сохранность дерева
- наличие следов пожара
- нивелировочные отметки
- соотношение в комплексах лепной и гончарной керамики.

В горизонте Д удалось выявить четыре яруса (VIII-XI). Приведем их краткую характеристику.

VIII ярус (табл. 11). Сооружения яруса занимают обычно нижнюю позицию в «пачках» налегающих друг на друга построек. Залегают они в слое бурого гумуса со щепой. Сохранность дерева хорошая. Все сооружения носят следы пожара. Средние нивелировочные отметки — 100-80 от единого репера. Сосуществует лепная и гончарная керамика, но первая сильно преобладает.

Постройки, выделенные на площади раскопов Н.И.Репникова и В.И.Равдоникаса в VIII ярус, по всем показателям соотносятся с большим строительным комплексом VIII-24³, исследованным Е.А.Рябиным. Часть его конструкций была принята В.И.Равдоникасом и Г.П.Гроздиловым за мостовую улицы. Строительство это-

го дома датируется рубежом 920 — 930-х гг. (около 931 г.). Большая доля лепной керамики в комплексах рядовой застройки по сравнению с комплексом VIII-24 позволяет думать, что основная часть застройки данного яруса сформировалась несколько ранее времени возведения большого дома VIII-24 и строительства комплексов VI основного горизонта Варяжской улицы (дендродаты 930 — 940-е гг.). В целом VIII ярус Земляного городища синхронен VI основному горизонту Варяжской улицы. Застройка этих обоих участков поселения гибнет в пожаре, случившемся на рубеже 940 — 950-х гг. (около 950 г.). Время пожара определяет верхнюю дату VIII яруса — VI основного горизонта и нижнюю дату IX яруса — V основного горизонта.

IX ярус (табл. 12). Сооружения яруса занимают обычно среднюю позицию в «пачках» построек; в ряде случаев, в восточной части раскопанной площади, где вышележащие слои не сохранились или сохранились плохо, — верхнюю. Сохранность дерева хуже чем в VIII ярусе. Заполнение построек и прилегающий слой — бурый гумус с разложившейся древесиной. Средние нивелировочные отметки — 80-60. Следов пожара не выявлено. Преобладает гончарная керамика, но присутствует и лепная.

Нижняя дата яруса, как отмечалось выше, определена временем гибели в пожаре застройки VIII яруса. Около 954 г. ремонтируется большой строительный комплекс VIII-24 (Рябинин, Черных 1988: 97). Строительная деятель-

³ Для участка раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябина в данной работе введена единая нумерация построек и сооружений. Римскими цифрами обозначен ярус, арабскими — номер объекта в ярусе. Для раскопов В.П.Петренко и А.Н.Кирпичникова сохранена нумерация, введенная авторами в публикациях (Петренко 1985; Кирпичников, Назаренко 1997).

ность фиксируется здесь и в 960-х гг. Время смены IX яруса X ярусом условно отнесено нами к 970-м гг. Эта дата, за отсутствием соответствующих дендрохронологических материалов в раскопе Е.А.Рябина, опирается на среднее время кардинальной смены застройки в древнерусских городах X-XI вв. Для основных горизонтов Варяжской улицы Ладоги оно равно 20-25 гг., для Неревского раскопа Новгорода — 20 лет. При сопоставлении предполагаемой верхней даты IX яруса с верхней датой V основного горизонта Варяжской улицы (шестой период строительной активности по Н.Б.Черных) противоречий не обнаружено (Черных 1985: 122). IX ярус Земляного городища и V основного горизонта Варяжской улицы можно считать в целом синхронными и датировать 950-970-ми гг.

X ярус (табл. 13). Постройки этого яруса сохранились лишь в западной части площади раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябина, на участке, не затронутом строительной деятельностью при возведении собора Св. Клементя в XII в. и функционировавшим при нем кладби-

ще. Ряд сооружений яруса (X-1, X-3, X-5, X-7) занимают верхнюю позицию в «пачках» из трех построек. Настилы сложного строительного комплекса, состоящего из построек X-5, X-6, частично перекрывают остатки комплекса VIII-24, воздвигнутого на рубеже 920 — 930-х гг. и отремонтированного около 954 г. и в 960-х гг. Постройки яруса залегают в слое черного гумуса. Сохранность дерева неравномерная. Следов пожаров нет. Преобладает гончарная керамика.

Формирование застройки, постепенно сменившей застройку IX яруса, очевидно относится к 970-м гг. Верхняя дата, исходя из сказанного об определении среднего времени существования застройки ярусов, предположительно может быть отнесена к 990-м гг. Материалы IV основного горизонта Варяжской улицы (седьмой период строительной активности по Н.Б.Черных) подтверждают предложенную датировку, если считать его в целом синхронным X ярусу (Черных 1985: 120,122).

XI ярус. Сохранилась лишь одна постройка и примыкающий к ней настил. Она занимала

Земляное городище : слои и горизонты					Варяжская улица По В.П.Петренко	Ярус земляного городища	Дата
По Н.И.Репникову	По В.И.Равдоникасу	По О.И.Давидан	По Е.Я.Рябинину	По А.Н.Кирпичникову			
3 слой (I ярус)	Д	Д	Д верхнее	6-7	III	XI	990-е
					IV	X	970-е — 990-е
			Д нижнее	8	V	IX	950-е — 970-е
					VI	VIII	920-е — ок.950
4 слой (II ярус)	E ₁	E ₁	E ₁	9	VII-VIII	VII	890-е — 920-е
					IX-X	VI	ок.865 — 890-е
	E ₂	E ₂	E ₂		X-XI	V	ок.840 — ок.865
	E ₃	E _{3/1} E _{3/2} E _{3/3}	E ₃ бурый гумус-1 черный гумус бурый гумус-2		XI	IV	ок.810 — ок.840
						III	ок.780 — ок.810
				II	сер.760-х — 770-е		
5 слой (III ярус)					I	750-е — 760-е	

Табл. 3. Сводная таблица стратиграфии Староладожского поселения.

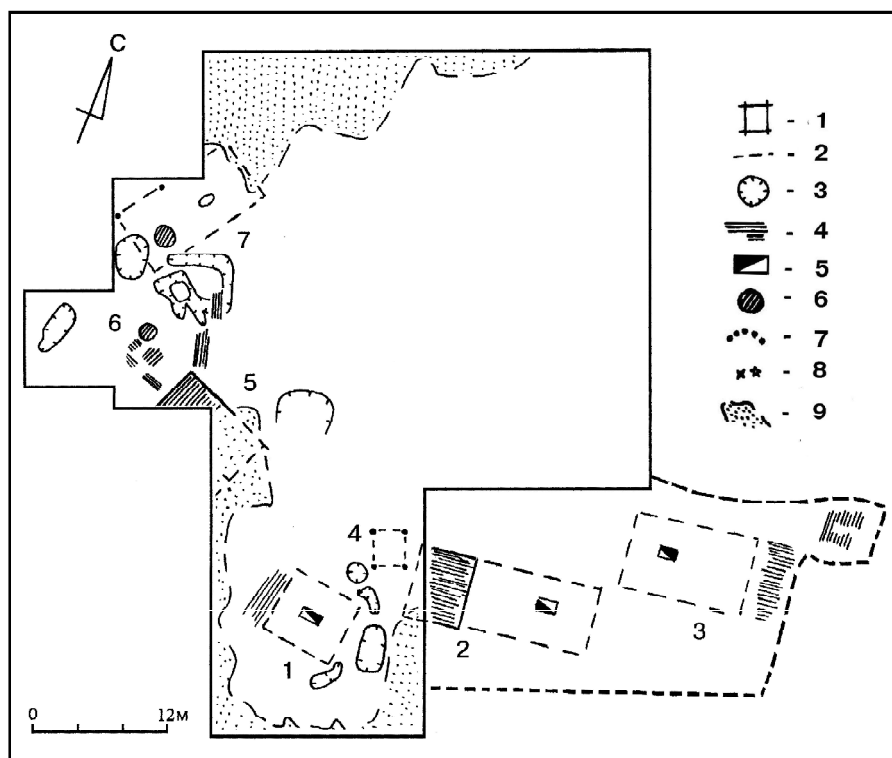

Табл. 4. I ярус.

Условные обозначения к таблицам 4-13:

1 — срубные постройки; 2 — контуры столбовых построек и сооружений, реконструируемые части срубов; 3 — ямы; 4 — настилы; 5 — печи и очаги; 6 — горн, плавильная печь; 7 — ограды; 8 — пни «стулья»; 9 — площадь раскопа В.И. Равдоникаса, оставшаяся неисследованной с границы E2 и E3.

верхнее положение в «пачке» построек, над постройкой X-7. Связанный с ней настил перекрывает комплекс X-5/X-6. Эти строительные остатки залегают в слое черного гумуса, но менее интенсивной окраски, чем гумус X яруса. Сохранность дерева плохая. Древесные остатки носили следы воздействия огня. Керамика гончарная.

Плохо сохранившийся XI ярус Земляного городища следует, очевидно, сопоставлять с III основным горизонтом Варяжской улицы, сформировавшимся в течение 990-х гг. и погибшим во время пожара не ранее 995 г. (Петренко 1985: 92; Черных 1985: 122).

В раскопе В.П.Петренко на Варяжской улице остатки III основного горизонта перекрыты II основным горизонтом, который также носит следы большого пожара. По всей вероятности, два ладожских пожара конца X-начала XI века можно рассматривать в связи с набегами норвежских ярлов Эйрика (около 997 г.) и Свейна (около 1015 г.), что может послужить определенными хронологическими ориентирами для археологических материалов (Рыдзевская 1945: 51-64; Джаксон 1993: 153-154, 163, 184; Джаксон 1994: 43, 51, 71).

Четкое разделение на ярусы слоя E, подстилающего D, представляет более трудную задачу. Однако, в указанном горизонте есть своеобразный стратиграфический репер, наличие которого отмечали все исследователи Земляного городища (Корзухина 1961: 82-84). Это уровень тотального пожара, выделенный В.И. Равдоникасом в особый горизонт E2, отметив, что именно он является горизонтом в строгом

смысле слова.

VI и VII яруса (табл. 9-10). Слой между D и E2 В.И. Равдоникас обозначил индексом E1. Плотность застройки в этом слое низка, но в ряде случаев зафиксировано перекрывание ранних сооружений более поздними. Сложный жилищно-хозяйственный комплекс VII-1/VII-2 частично перекрывал настил к северу от т.н. «кузницы» (VI-1), а сама «кузница» залегала значительно ниже уровня постройки VII-1, что говорит о явной разновременности этих комплексов. В северной части вскрытой площади, в кв. Ж8 развал печи-каменки перекрывал остатки срубного хлевика (постройки VII-4 и VI-7). Наконец, на участке, исследованном Е.А.Рябининым, два хозяйственных сооружения VI-5 и VI-6, судя по дендродатам (871 г. и 878 г.), явно предшествует большому дому VII-3, возведенному около 894 г. (Рябинин, Черных 1988: 91-93). Таким образом, в рамках горизонта E1 фиксируется два яруса — VI и VII.

Верхняя дата VII яруса определяется временем его смены VIII ярусом, т.е. 920-ми гг. Нижняя дата VI яруса соответствует гибели застройки V яруса между 863 г. и 870 г. (условно около 865 г.). Труднее провести границу, и стратиграфическую, и хронологическую, между VI и VII ярусами, так как структура застройки в это время существенных изменений не претерпевала, поселение не гибло в пожаре, а серия дендродат невелика. Учитывая эти факты, в качестве опорной даты можно принять время строительства большого дома VI-3: около 894 г. Дата 890-е гг. в общем совпадает с наблюдениями Н.Б.Черных над порубочными датами сооруже-

ний VII-X основных горизонтов Варяжской улицы, где она также выделила два периода строительной активности: 870 — 890-е гг. и 890 — 920-е гг. (Черных 1985: 122).

V ярус (табл. 8). Как уже отмечалось выше, V ярус хорошо выделяется стратиграфически. Достаточно высокая плотность застройки, погибшей при мощном пожаре, позволяет легко установить связь построек по горизонтали в пределах яруса. По материалам раскопа Е.А. Рябинына, его верхняя хронологическая граница находится в интервале между 863 и 870 гг. (Рябинин, Черных 1988: 91). Некоторая строительная активность на Варяжской улице во второй половине 860-х гг. (Черных 1985: 121-122) дает повод несколько сузить эту дату — между 863 и 868 гг. (условно около 865 г.). Нижняя дата яруса основана на результатах дендрохронологии спилов раскопа Е.А.Рябинына — между 838 и 845 гг. (Рябинин, Черных 1988: 91). Здесь снова интересно привлечь дендродаты сооружений Варяжской улицы, где наиболее ранняя порубочная дата 842 г. Из вышесказанного можно заключить, что застройка V яруса Земляного городища, погибшая в пожаре, в основном синхронна наиболее ранним постройкам Варяжской улицы (XI, частично X основные горизонты), а данный период истории Ладоги относится к 840-м — середине 860-х гг. (около 840 г. — около 865 г.).

Слои середины VIII-первой трети IX в. к настоящему времени известны лишь в пределах Земляного городища (Кузьмин 1997а: 166-167; Кузьмин 1997б: 228-230), где они традиционно именуется горизонтом Е3.

Попытка разделить слои, выделенные В.И.Равдоникасом в микрогоризонт Е3, предпринима-

лась О.И. Давидан (Давидан 1976). Исследовательница разделила их на три стратиграфических подразделения, которые принято обозначать как Е3/1, Е3/2, Е3/3 или Е3 верхний, средний, нижний. Раскопки Е.А.Рябинына уточнили эти наблюдения и дали дендрохронологические определения для отдельных слоев. Первоначально мы опирались на эти работы, внося лишь незначительные дополнения (Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986: 164-166). Однако, материалы, полученные в разведочном раскопе 1986 г., заставили автора пересмотреть ряд высказанных ранее положений, а также привязку некоторых построек и находок к ярусам.

Необходимо отметить, что представления В.И.Равдоникаса о стратиграфии толщи отложений Е сформировались в ходе раскопок 1947 г., когда была исследована «пачка» из трех перекрывающих друг друга «больших» домов (Равдоникас 1950: 7-29). Самая ранняя постройка IV-5, занимает ключевое положение в свите нижних слоев восточной части раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинына. О.И.Давидан отнесла ее к микрогоризонту Е3/2 (средний), некоторые авторы приняли это заключение (Давидан 1976: 104, 107; Кирпичников 1985: 8-10). С ней связан ряд сооружений и от ее датировки во многом зависит хронология смежных ярусов. Однако, культурные напластования ниже этого большого дома в 1947 г. доследованы не были.

Именно постройка IV-5 была дополнительно изучена в 1986 г. с целью получения дендродат. Ниже нее были выявлены остатки сгоревшей постройки, для которых тоже есть датировки. Сопоставление восточной части раскопов

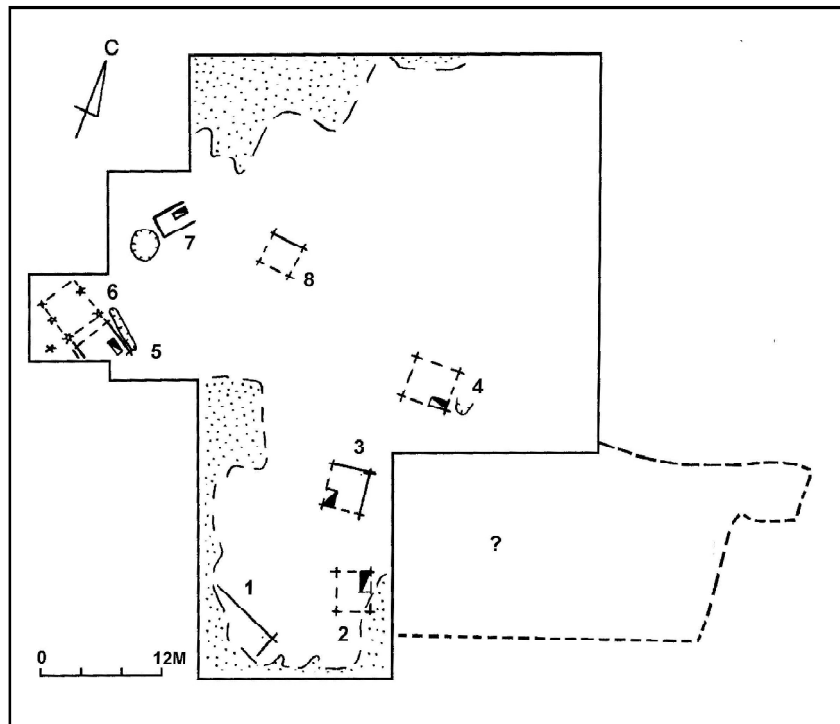

Табл. 5. II ярус.

В.И.Равдоникаса в центре Земляного городища с участком раскопок Е.А. Рябина позволяет создать определенную картину формирования культурных напластований на раннем этапе жизни поселения.

Древняя дневная поверхность в пределах раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябина, на которой начал накапливаться культурный слой, не была горизонтальной, а имела уклон с востока на запад — 1 м и с севера на юг — 0,5 м. При выделении ярусов необходимо учесть динамику накопления слоя.

Перед началом освоения площадки Земляного городища, слой материковой глины перекрывался слоем луговой почвы, которая представлена в раскопе коричневым гумусом, подстилающим культурные напластования. Интересно, что на участке раскопок Е.А.Рябина, т.е. в более низком по сравнению с центром площадки Земляного городища месте, этот слой составляет 0,08-0,12 м (Рябинин, Черных 1988: 74; Рябинин 1994: 7), тогда как на более высоких участках в раскопе В.И.Равдоникаса он достигает мощности 0,20-0,25 м, а в кв. Ф2-4, А2-4 даже 0,40-0,50 м. Такое распределение почвенного слоя в данных условиях невозможно объяснить процессом естественного накопления. Очевидно, почвообразовательный процесс был чем-то нарушен.

Сравнив нивелировочные отметки «большого» дома IV-5 в раскопе В.И. Равдоникаса (средние — 160-180) и синхронной ему постройки IV-7 в раскопе Е.А. Рябина, можно увидеть, что последняя находится на 0,2-0,3 м выше. Постройка IV-5 находится ближе к центру Земляного городища, и толщина подстилающего ее

культурного слоя с учетом подсыпки составляет 0,3-0,4 м (по данным 1986 г.), а свита напластований под постройкой IV-7 достигает 0,7 м (Рябинин, Черных 1988: 74). Под этим горизонтом построек на участке Е.А.Рябина (исследователь объединил их в т.н. слой бурого гумуса-I) выделяется еще два стратиграфических слоя (черный гумус и бурый гумус-II) и еще три уровня построек. Сооружения на границе бурого гумуса-II и черного гумуса носили следы пожара (второй строительный период от материка на этом участке). Под основанием «большого» дома IV-5, на слое погребенной почвы 0,08-0,12 м толщины прослежен развал сгоревшего сооружения II-4. Слой погребенной почвы этого участка аналогичен по мощности слою погребенной почвы в раскопе Е.А.Рябина и резко отличается от толщины погребенной почвы вокруг. Подобную картину можно объяснить следующим образом.

Первоначально застройка возникает не в центре площадки городища, а ближе к ее южному и западному к краям. Быстро накопившийся слой бурого гумуса и щепы, зафиксированный в раскопе Е.А.Рябина (бурый гумус-II) и на участках, изученных В.И.Равдоникасом в 1950, 1959 гг. и Н.И.Репниковым в 1911 и 1913 гг., «запечатал» древнюю почву. В погребенном состоянии она сохранила на указанных участках свою естественную толщину: 0,08-0,12 м. Интенсивное накопление слоя по краям площадки Земляного городища, а также возможное существование других факторов (ограда, укрепления, нивелировочные подсыпки?), препятствовавших нормальному водосбросу и смыву культурного слоя вниз по склону, приве-

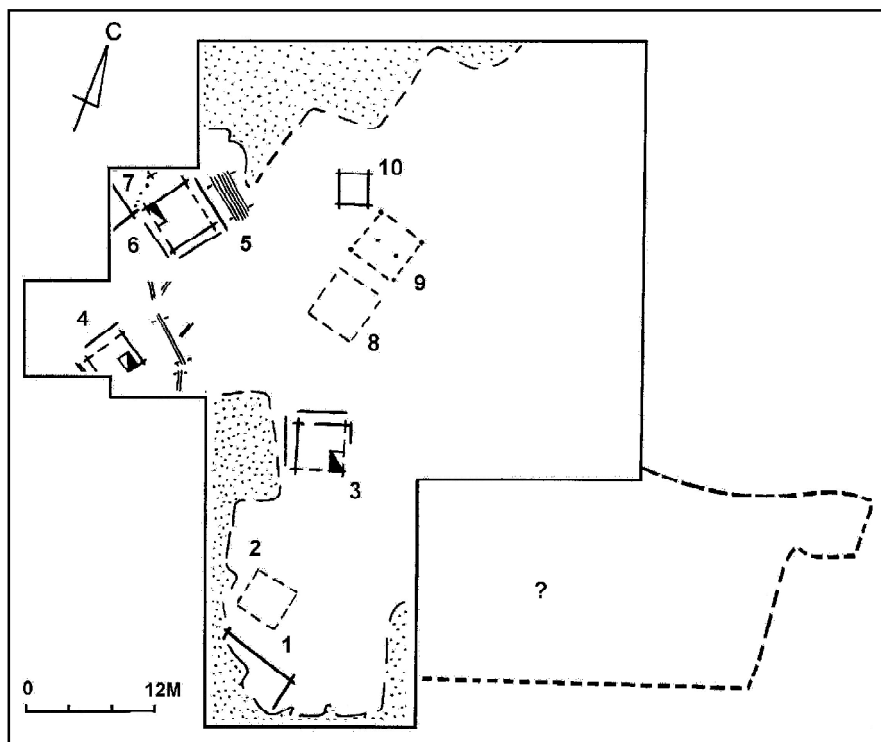
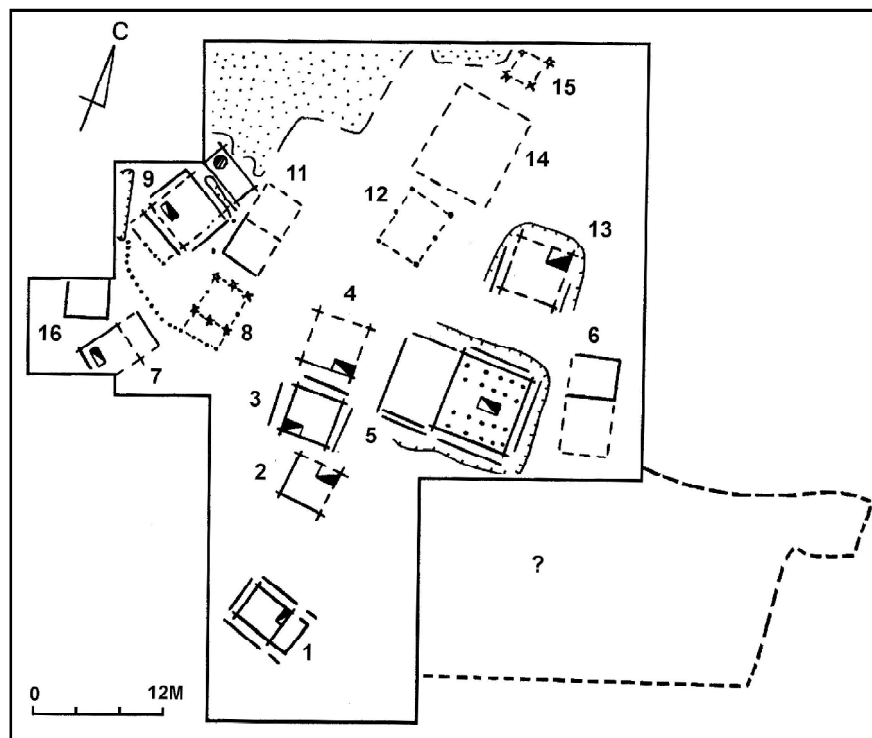

Табл. 6. III ярус.

Табл. 7. IV ярус.

ло к заболачиванию центральной ее части. В период, когда культурный слой на краю площадки городища достиг отметок, равных уровню почвы в центральной части поселения, а затем превзошел их, процесс заболачивания усилился. Это выразилось в резком увеличении толщины торфянистого слоя в центре площадки Земляного городища и сильной гумусированности по западному краю (слой черного гумуса в раскопе Е.А.Рябинина). При начале плотного освоения центральной части площадки Земляного городища, здесь пришлось вести осушительные работы: рыть канавы, делать мостки из дерева и вымостки из камня.

Таким образом, анализ динамики начального этапа накопления культурного слоя на разных участках раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина позволяет уточнить картину формирования застройки и выделить в горизонте ЕЗ четыре строительных яруса (I-IV). Ниже приводится их краткая характеристика.

I ярус (табл. 4). Застройка тяготела к западному и южному краям площадки Земляного городища. Однако, не исключено, что часть культурных отложений могла быть перемещена от центра к краю при нивелировочных работах⁴. Дендродаты есть лишь для участка раскопок Е.А. Рябинина, где исследован сложный производственный комплекс по обработке металла (I-6/I-7). Самая ранняя порубочная дата — 753 г. В целом, комплекс функционировал в 750 — 760-х гг. (Рябинин 1985: 54-55; Рябинин 1994: 26). С ним связан настил I-5, который,

судя по конструкции, находится перед входом в постройку типа большого дома, аналогичного жилищам I-2 и I-3, расположенным прямо на погребенной почве.

Во второй половине 760-х гг. или на рубеже 760 — 770-х гг. застройка участка, исследованного Е.А.Рябининым, претерпела, кардинальные изменения. Производственный комплекс перестал функционировать. Набор инструментов (т.н. «клад»), брошенный в обводную канавку и неизъятый, свидетельствует, что это произошло внезапно. На месте кузницы I-7 появляется постройка II-7, которую, видимо, правильнее интерпретировать как летнюю кухню. Ряд объектов на материке перекрыл срубный дом с печкой-каменкой в углу и связанный с ним амбар на пнях (II-5 и II-6).

Такая же картина наблюдается и в южной части площади, раскопанной на Земляном городище. Постройки II-2 и II-3, отделенные от погребенной почвы прослойкой навоза и щепы толщиной до 0,2 м, перекрыли объекты I яруса.

Таким образом, отчетливо видно, что застройка I яруса в какой-то момент сменяется застройкой II яруса. Это произошло не ранее второй пол. 760-х гг. Трудно определить, была ли эта смена постепенной или резкой. Учитывая ряд фактов, в первую очередь выпадение «клада» инструментов, приходится склоняться к мысли о ее резком характере, слабо улавливаемом за отсутствием широкой серии дендродат.

Исходя из вышесказанного, время существования I яруса может быть предварительно определено как 750 — 760-е гг., хотя некоторое расширение этой даты вполне допустимо.

II ярус (табл. 5). Застройка по-прежнему тя-

⁴ Это предположение высказал мне в частной беседе В.А.Назаренко, за что я весьма признателен.

готовит к окраине площадки городища, хотя несколько расширяется. Объекты залегают в слое бурого гумуса. Постройки II-1, II-4, II-5, II-6, II-7, расположенные на разных, удаленных друг от друга участках раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина, носят следы пожара. Судя по дендродатам построек, исследованных Е.А. Рябининым, и постройки II-4, дата яруса в основном ограничивается 770-ми гг., но не исключено начало его формирования и во второй пол. 760-х гг. Пожар случившийся на рубеже 770 — 780-х гг. (около 780 г.) уничтожил его застройку. Его следы отмечены на постройках в раскопе Е.А.Рябинина, постройках II-1 и II-4.

III ярус (табл. 6). После пожара застройка возобновляется, претерпевая незначительные изменения. Дата яруса определяется промежуток между гибелью в пожаре II яруса и активным строительством, сформировавшим застройку IV яруса. Характерной особенностью является залегание построек в слое черного гумуса, особенно отчетливо прослеженной на участке раскопа Е.А.Рябинина. Порубочные даты сооружений, открытых Е.А.Рябининым, позволяют отнести существование яруса к 780-800-м гг. (около 780 г. — около 810 г.). (Рябинин, Черных 1988: 80-86).

IV ярус (табл. 7). Смена предшествующей застройки происходит быстро. В один год (811 г.) возводятся некоторые сооружения на участке раскопок Е.А.Рябинина и большой дом IV-5, открытый В.И.Равдоникасом в 1947 г. Формирование застройки IV яруса происходило, вероятно всего, в рамках 809-815 гг., но особенно интенсивно в 809-811 гг. В это время застраивается вся площадь, исследованная раскопа-

ми Репникова-Равдоникаса-Рябинина. Некоторые следы начала освоения участка Варяжской улицы в этот период фиксируется в виде разрозненных комплексов без дендродат, перекрытых строительными остатками с порубочными датами 842 — 857 гг. (Петренко 1985: 94, Черных 1985: 121).

Важно отметить некоторую строительную активность на Земляном городище в конце 830-х гг. На участке, изученном Е.А. Рябининым, около 838 г. возводится еще одна постройка, а другая не ранее 837 г. дополнительно обустраивается (Рябинин, Черных 1988: 90-91). Прекращает функционирование «большой» дом IV-5, который был разобран незадолго до пожара, уничтожившего застройку IV яруса; следов огня на остатках дома нет. На его месте была возведена жилая постройка меньших размеров с печью-каменкой, сгоревшая дотла. Вероятно на рубеже 830 — 840-х гг. (около 840 г.) началась постепенная, плавная смена старой застройки, прерванная катастрофой. Поселение гибнет в тотальном пожаре, происходит изменение традиционной планиграфии, появляется новая домостроительная традиция и ряд предметов скандинавского происхождения.

Хронологию IV яруса следует ограничить 810 — 830 гг. (около 810 г. — около 840 г.). Горизонт пожара, случившегося около 840 г., является не менее заметным стратиграфическим репером, чем прослойки пожаров, уничтоживших застройку V и VIII ярусов около 865 и 950 гг.

Подводя некоторые итоги, надо отметить, что ярусы не являются искусственным делением слоя на пласты с условными абсолютными датами. Они отражают реально существовав-

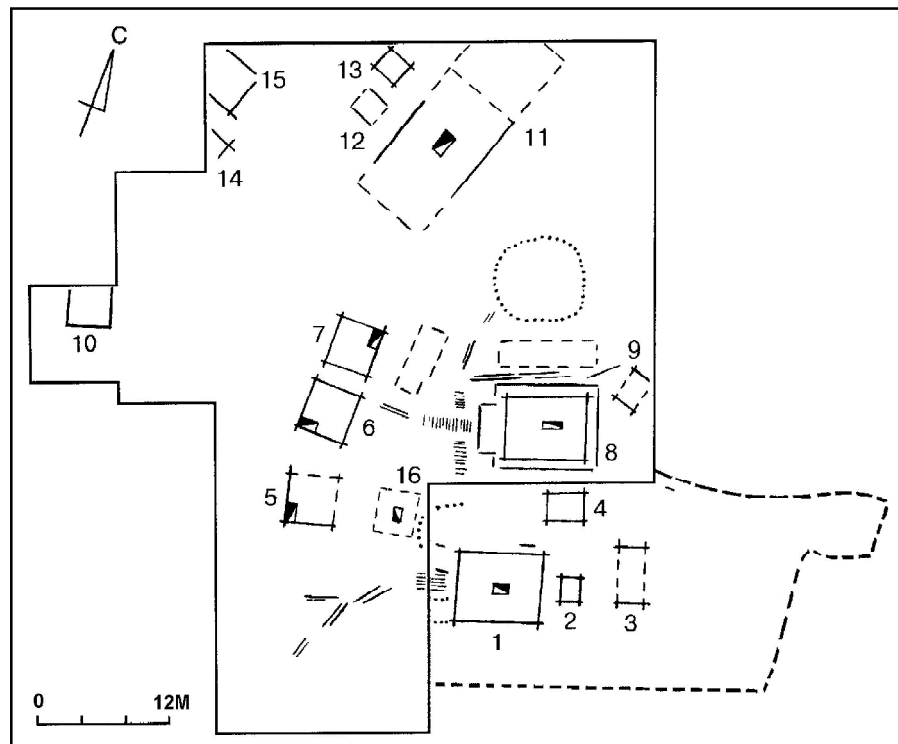
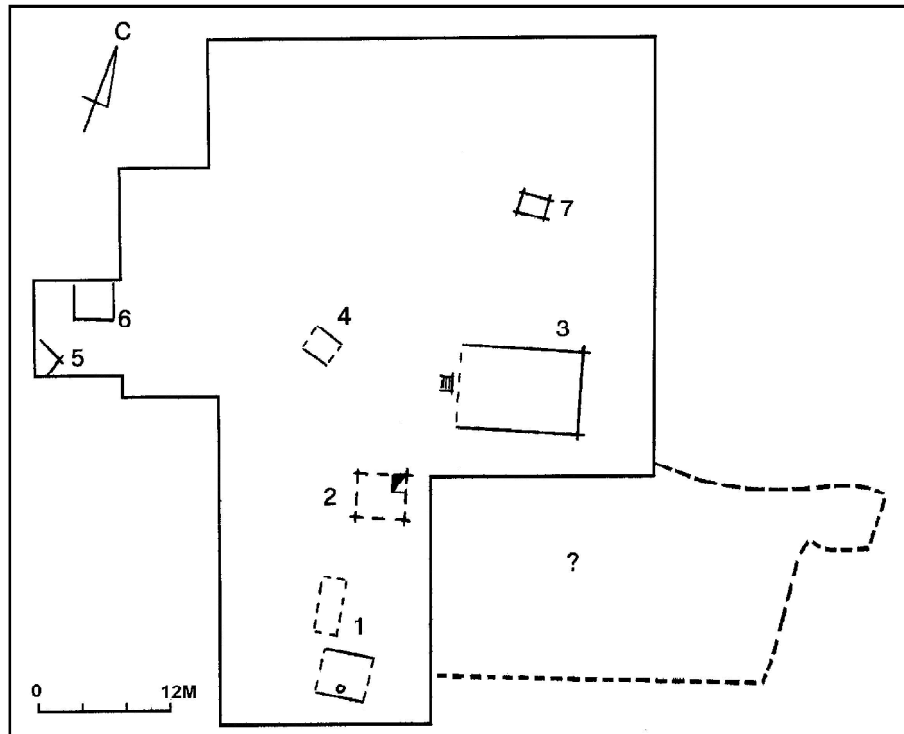

Табл. 8. V ярус.

Табл. 9. VI ярус.

шие этапы застройки поселения и периоды его жизни, которые имеют обоснованные, точные, насколько это возможно для эпохи раннего средневековья, хронологические рамки, не привязанные искусственно к границам веков или половин и четвертей столетий. В пяти случаях (II, IV, V, VIII и XI ярусы) застройка гибла в пожарах, что позволяет, с одной стороны, надежно разделять данный ярус и выше- и нижележащие, с другой, соотносить яруса, выделенные на участке раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина, с основными горизонтами раскопа В.П.Петренко на Варяжской улице и слоями раскопа А.Н.Кирпичникова в северо-западном бастионе Земляного городища. Определенную трудность представляет разделение застройки и материалов I и II, VI и VII ярусов, но эти случаи рассматривались выше. Известны и постройки-«долгожители», относящиеся к двум смежным ярусам. Как правило, это крупные сооружения (большой дом VIII-24, «большая постройка» культового характера на Варяжской улице и др.).

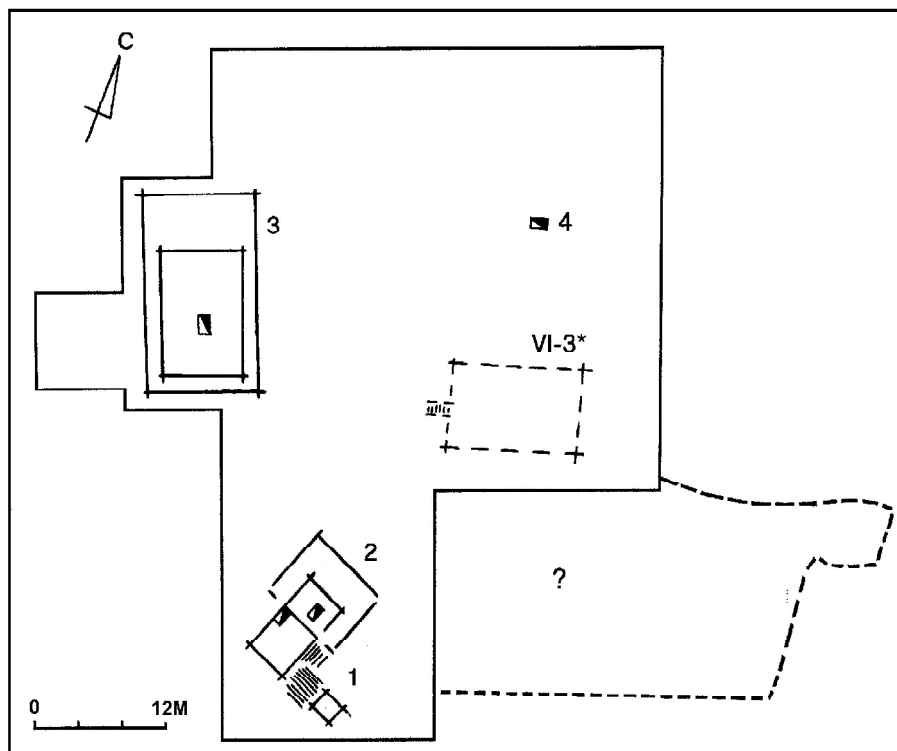
Особо следует оговорить отнесение к тому или иному ярусу индивидуальных находок. Действительно, иногда невозможно точно связать находку с определенным ярусом, если она обнаружена вне комплекса. Однако, это не снижает ценности предлагаемой стратиграфической схемы для выводов о хронологии и общей оценке культурной ситуации, так как подобные «колебания» привязки вещи относительно яруса обычно ограничиваются двумя смежными, плохо разделяемыми ярусами, которые, по сути дела, отражают единый исторический этап жизни поселения.

Как было показано выше, ярусная стратиграфия участка раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина вполне соотносима с колонкой основных горизонтов Варяжской улицы (по В.П.Петренко), а их хронология, в целом, совпадает с периодами строительной активности, отмеченными Н.Б.Черных. Для проверки предлагаемой стратиграфической схемы раннесредневековых напластований Старой Ладоги особое значение имеют материалы раскопок А.Н.Кирпичникова 1984-1991 гг., результаты которых были опубликованы, когда работа автора уже находилась в печати (Кузьмин 1998). Поэтому необходимо специально рассмотреть соотношение ярусов и некоторых слоев, выделенных в раскопе А.Н. Кирпичникова 1984 — 1991 гг.

«В процессе раскопок выявлено девять, включая современный почвенный покров, слоев, представляющих важнейшие исторические этапы существования ладожского поселения и отличающихся друг от друга рядом особенностей, такими как наличие разграничительных прослоек, насыщенность культурными остатками, структурой и сохранностью, а также рядом других. Каждый слой, практически равнозначен строительному горизонту.» — отмечали авторы раскопок (Кирпичников, Назаренко 1997: 63). С четвертым — восьмым слоями связана большая часть деревянных строительных остатков. Эти слои были суммарно датированы X — началом XI вв. и сопоставлены с горизонтом Д стратиграфии В.И.Равдоникаса. 9-й, нижний слой, исследовали соотнесли с горизонтом Е1, определив его хронологию: 2-я половина IX в. (Кирпичников, Назаренко 1997: 65-67).

Следует обратить внимание на «восьмой

Табл. 10. VII ярус.

слой», в котором открыты остатки настилов, один из которых носил следы пожара. Исследователи отмечают, что «в этом слое посуда, изготовленная от руки, определенно преобладала» (Кирпичников, Назаренко 1997: 74). 8 спилов с бревен настилов дали даты в интервале 933(?)–948 гг. Дата рубки еще 8 бревен, найденных в этом слое, но вкопанных в более позднее время: 962–965 гг. (Кирпичников, Назаренко 1997: 74–75). По совокупности этих данных «восьмой слой» раскопа А.Н. Кирпичникова соответствует VIII ярусу.

Выше, в слоях 6 и 7, открыты остатки деревянных сооружений: постройки 5–7, разрозненные бревна и плахи и др. Однако, если говорить о горизонтах синхронной застройки, то их здесь больше двух. Во-первых, сами авторы раскопок отмечают, что при зачистке жилища 5, залегавшего в слое 6, «под ним выявлен угол нижележащего срубного сооружения» (Кирпичников, Назаренко 1997: 71). Во-вторых, должны быть разновременные и строительные остатки слоя 7. Его мощность достигает 0,65 м, а анализ планиграфии залегающих в нем объектов вызывает сомнение в том, что перед нами единый сложный комплекс, а не разновременные сооружения (Кирпичников, Назаренко 1997: 71–72). К сожалению, опубликованные материалы не позволяют конкретизировать это наблюдение. Но так или иначе ясно, что отложения слоев 6 и 7, суммарная мощность которых достигает 1 м, содержат остатки не менее трех строительных горизонтов.

В рассматриваемых слоях присутствует лепная керамика, процент которой уменьшается

снизу вверх. Постройка 5 носила следы пожара. По всей вероятности, это может быть тот же пожар, что уничтожил застройку XI яруса и III основного горизонта Варяжской улицы. Тогда слои 6 и 7 содержат горизонты застройки, синхронные IX–XI ярусам и относящиеся к 950–990-м гг., а постройки 1–4, открытые в слое 5, датируются уже началом — 1-й пол. XI в. и могут быть синхронны застройке II основного горизонта Варяжской улицы. Индивидуальные находки и керамические материалы не противостоят этой дате.

Самые нижние отложения в раскопе 1984–1991 гг. были выделены в слой 9 (Кирпичников, Назаренко 1997: 75). «Сооружения 9 слоя носят следы пожара. В одной из разделительных канав найдены обгоревшие черепа погибших ребенка 4–5 лет и женщины 35–40 лет (определение С.Л.Санкиной). Возможно, что какая-то катастрофа постигла этот участок города. Характерно, что позднее (слой 8) это место было застроено по иному плану...» (Кирпичников, Назаренко 1997: 76–77). Вероятно, постройка 9 погибла в пожаре, уничтожившем застройку V яруса (около 865 г.). Значит, освоение этого участка произошло в середине IX в., т.е. фактически одновременно началу освоения участка Варяжской улицы.

Конечно, выводы проделанной работы носят предварительный характер и в ходе дальнейших исследований могут корректироваться. Такая корректировка осуществима и без новых масштабных раскопок, путем доследования некоторых участков раскопов Н.И.Репникова и В.И.Равдоникаса. Разведочный раскоп 1986 г.

продемонстрировал перспективы такого подхода. Но уже на данной стадии исследования очевидна принципиальная возможность синхронизации материалов разных участков культурного слоя Старой Ладogi на основе выделения горизонтов одновременной застройки (ярусов). Синхронизация такого рода позволяет превращать археологические материалы в полноценный источник для реконструкции исторической действительности.

Объем настоящего издания не позволяет дать развернутую картину жизни Ладogi VIII-X вв. Однако, некоторые выводы, непосредственно вытекающие из картины планиграфии поселения, основанной на ярусной стратиграфии, целесообразно привести и прокомментировать.

Ушли в прошлое представления о Ладoge VIII-IX вв. как о типичном славянском сельском поселении, эволюционирующим в древнерусский город. Сформулированная исследователями середины нашего века (Равдоникас 1949; Равдоникас 1950; Греков 1949: 44, 101-103), эта точка зрения имеет отдельных сторонников и ныне (Фроянов 1992). В то же время, восторженные оценки начальной Ладogi как «международной пристани», «организатора и важнейшего пункта караванной и местной торговли», «древнейшего города Северной Руси» и т.п. с первых десятилетий ее истории (Кирпичников 1985: 24; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 192; Носов 1993: 74-75) основываются на суммарной оценке древностей горизонта E. Систематизация и анализ материалов на основе предложенного ярусного стратиграфического членения культурного слоя дает иную, более скромную картину.

Поселение середины VIII — начала IX вв. локализуется на площадке Земляного городища и выявление других значительных участков застройки этого времени маловероятно (Кузьмин 1997а: 166-168; Кузьмин 1997б: 228-235).

Местность, в которой возник поселок, представляла собой надпойменную террасу в устье р.Ладожки. Вдоль берега Волхова имелись возвышения-останцы, поднимающиеся над уровнем надпойменной террасы на 2-4 м, а над поверхностью Волхова на 4-7 м. Одно из них занимает мыс при слиянии Ладожки и Волхова. На нем расположена каменная крепость. К югу от него, в пределах валов Земляного городища, находится всхолмление, имевшее в древности наибольшее превышение над окружающей местностью. Еще южнее было небольшое возвышение, сходящее на нет к Никольскому монастырю. Возвышения были разделены водотоками (древние русла Ладожки?). Об их существовании говорят следующие факты. Между каменной крепостью и Земляным городищем наблюдается большой овраг. Его появление невозможно объяснить только проведением фортификационных работ. Скорее напротив — направление этих работ определялось

наличием естественной преграды. Эта догадка подтверждается результатами геологического бурения (Сорокин 1997: 48). Понижение четко прослеживается под южным пряслем крепости и незаметно на участке между Клементовской башней, автодорожным мостом через Ладожку и северо-западным бастионом Земляного городища. Это объясняется значительными подсыпками грунта в позднее время, что демонстрируют наблюдения З.Д.Бессарабовой в т.н. траншее III (Бессарабова 1996: 26-27). Материал, из которого насыпана значительная масса тела укреплений западной части Земляного городища, — белый речной песок (Старая Ладoga 1948: 16, 23-28, рис. 9; Рябинин 1985: рис.2), извлеченный где-то поблизости. Вероятно, песок взят из донных отложений древнего водотока (Кузьмин 1997б: 229-232). Трасса рвов частично совпала с его направлением. Местами он скрыт толщей средневековых культурных напластований и западными бастионами, реконструированными в начале XVIII в. В таком случае получает объяснение факт их сильной деформации, в отличие от юго-западного бастиона, использовавшего под основу песчаниковую плиту возвышенности. Заметим, что и осадный водоем находился внутри юго-западного бастиона (Кирпичников 1993: 105, рис. 4).

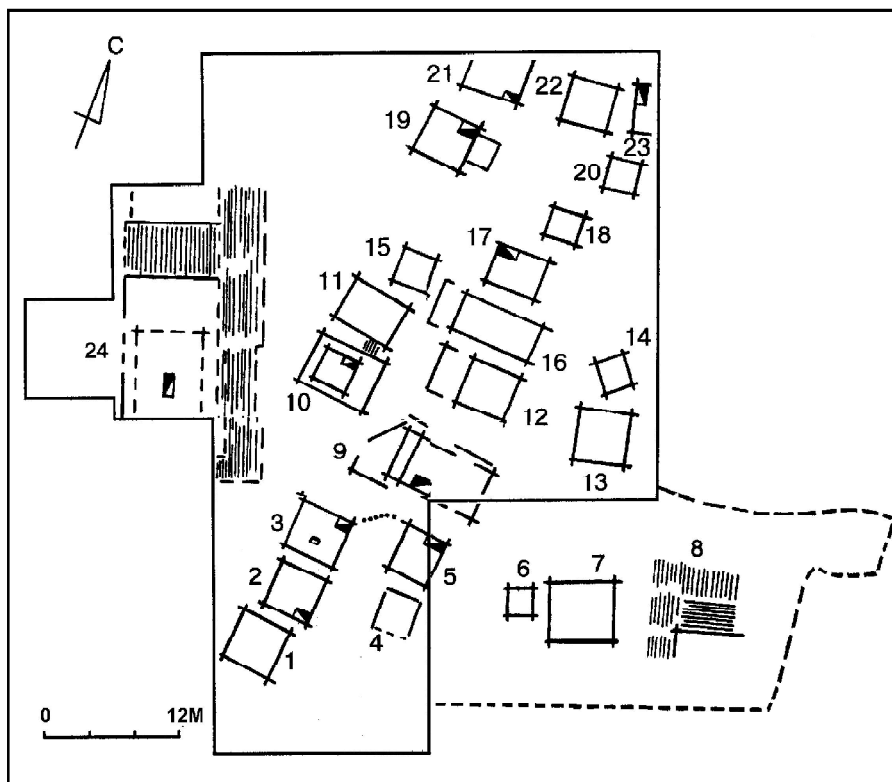
Со стороны Волхова площадка древнейшего поселения ограничивалась обрывистым, достигавшим 7-ми метровой высоты, берегом. Его укрепление не потребовало дополнительных земляных работ даже в XVI-XVIII вв.

Топография ранней Ладogi явно отличается от топографии т.н. «торгово-ремесленных» поселений Руси и Балтики эпохи викингов. Невелики и размеры поселения. В I-III ярусах открыто от 3 до 5 относительно синхронных построек. Даже если на нераскопанной площади находится такое же их количество (что маловероятно), то все равно население поселка во 2-й пол. VIII — начале IX вв. вряд ли превышало несколько десятков человек и максимально может оцениваться в сотню жителей. Рассматривать его в это время как крупный центр нет оснований.

В I ярусе открыты три жилища каркасно-столбовой конструкции, с очагом в центре (т.н. «большие дома»). Очаг делит внутреннее пространство дома, на три поперечные, а ряды столбов, поддерживающих кровлю, на три продольные части. Зафиксированы предвходные настилы и настилы в передней трети жилища. Такая конструкция жилья близка североевропейскому халле. Однако, точных аналогий ладожским большим домам пока не найдено. Возможно, настил в раскопе Е.А.Рябининим связан с еще одной постройкой этого типа (Рябинин 1994: 26). К северу от жилой застройки находилась большая кузнечно-ювелирная мастерская. Срубные сооружения в I ярусе неизвестны.

Набор индивидуальных находок характери-

Табл. 11. VIII ярус.

зует культурный облик первопоселенцев определенным образом. Овальная скорлупообразная бронзовая фибула, языковидное кресало, колесовидные бляшки, фрагмент железной гривны из перевитого дрота, фризские костяные гребни, бронзовое навершие с изображением Одина, наконец, «клад»⁵ инструментов находят аналогии в североευропейском круге древностей. С мастерской связан ряд предметов восточноевропейского происхождения, но их присутствие в материалах яруса не обязательно объясняется постоянным проживанием на поселении носителей соответствующей традиции (Рябинин 1994: 49-50). В том или ином случае, нет сомнения, что первыми обитателями Ладоги были люди, среди которых домини-

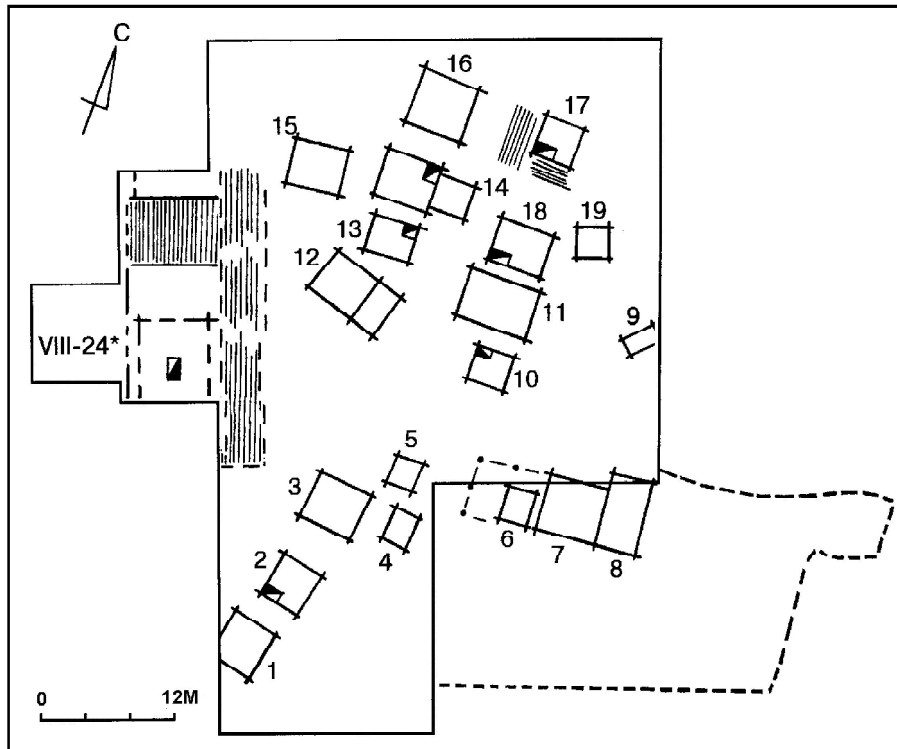
рующее положение занимала группа норманнов. Представляется, что эта группа была весьма немногочисленна и достаточно монолитна. Носители иных культурных традиций, если и были в ее составе, то занимали далеко не ведущее место. Создается впечатление, что перед нами поселение одной «общины». Полуциркулярная (круговая?) схема застройки с включенной в нее кузнечно-ювелирной мастерской, отсутствие обособленных жилищно-хозяйственных комплексов, малое число жилых построек и, соответственно, их обитателей позволяют рассматривать Ладогу 750 — 760-х гг. скорее как единую усадьбу, чем как поселение — зародыш города.

Появление скандинавского поселения в низовьях Волхова в 750-х гг., в довикингский период нельзя связывать с функционированием путей с Балтики в страны Востока (Кузьмин 1997б: 230-235). Скорее, оно отразило продолжение колониационного движения, охватившего Восточную Балтику в VI-VII вв. Местность при впадении Ладожки в Волхов была плотно освоена и ранее, в неолите и раннем железном веке. Возможно, что скандинавам, основавшим поселок, она была известна и ранее, однако, специфика заболоченных грунтов еще не отразилась на приемах их домостроительства.

Смена построек I яруса постройками II яруса связана с появлением новой группы населения. Изменение домостроительных традиций и планиграфии, прекращение работы кузнечно-ювелирной мастерской, выпадение «клада» инструментов подчеркивают отсутствие преемственности в жизни поселения на этом этапе. По всей

⁵ Набору инструментов, обнаруженному вблизи кузницы в 1975 г., автор раскопок Е.А.Рябинин посвятил ряд обстоятельных исследований (Рябинин 1980; Рябинин 1985; Рябинин 1994). Он обозначил данный комплекс как клад. Однако, обстоятельства расположения предметов в слое заставляют характеризовать его как клад только условно. «Клад» представляет собой набор инструментов и отдельных предметов, залежавших, в основном, по стенкам и по дну обводной канавки т.н. «холодной» кузнечно-слесарной мастерской. Они попали туда, скорее всего, в теплое время года, когда канавка заполнялась водой. Вещи разбросаны на площади 1х0,8 м, и не прослежено следов обертки или иного вместилища (Рябинин 1994: 23-24). Так прятать клад по меньшей мере странно. Скорее мы имеем дело с опрокинутым верстаком. В любом случае и попадание «клада», и его неизъятие из заполненной водой канавки нужно связывать с какой-то экстраординарной ситуацией.

Табл. 12. IX ярус.

вероятности, не позднее рубежа 760 — 770-х гг. скандинавская колония прекратила существование в связи с продвижением в Нижнее Поволжье носителей культурных традиций лесной зоны Восточной Европы. Они принесли с собой развитую технику строительства срубных домов с печью-каменкой в углу (Кузьмин 1987: 23-25). Об уровне строительного мастерства свидетельствует комплекс II-5/II-6, состоящий из избы и пристроенного к ней амбара на пнях-стульях. Вероятно, с этими же людьми следует связывать серию украшений из оловянистых сплавов, имеющих параллели в псковских длинных курганах и на городищах Псковское, Камно, Изборск (Мачинская 1988: 17-18).

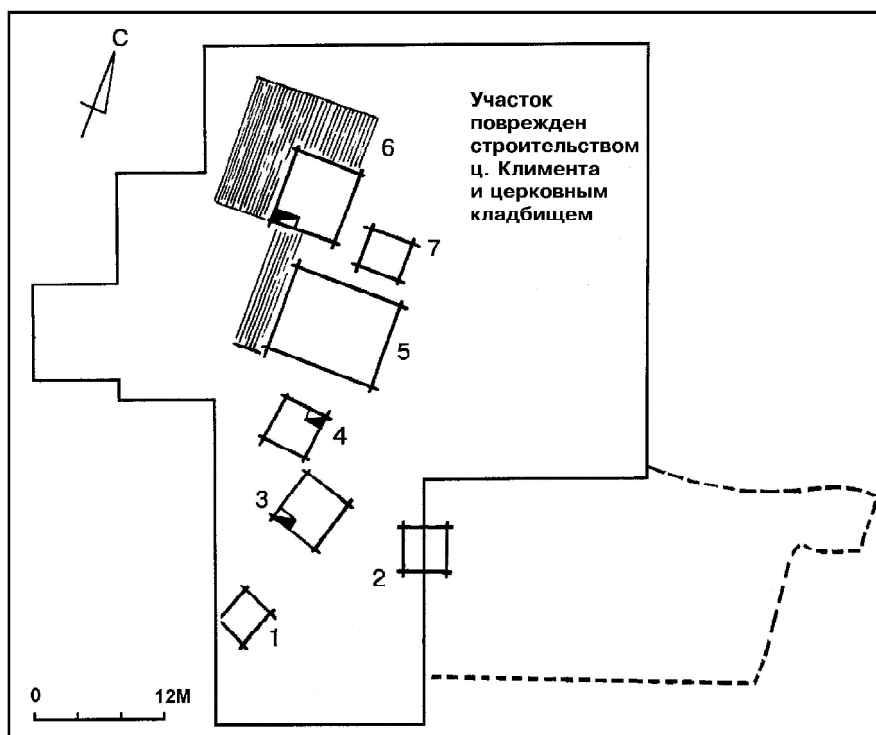
Пожар, случившийся около 780 г., не привел к существенным переменам в домостроительстве и планиграфии. Все зафиксированные жилища — это срубы с печью-каменкой в углу. На участке раскопа Е.А.Рябинина наблюдается преемственность застройки (комплексы II-5, III-4 и IV-7), сохранявшаяся в течение примерно 70 лет до рубежа 830 — 840-х гг.

Но определенные перемены в жизни поселения на рубеже VIII-IX вв. все же происходят. Связаны они со становлением путей из стран Балтики в страны Востока. Именно в материалах III яруса встречены салтовские лунницы синего стекла, бусы из сердолика, «фиксируется начало активного проникновения арабского серебра, ... синхронизирующееся с выпадением здесь (в Старой Ладогe — прим. С.К.) древнейшего монетного клада 786 г.», «открыты свидетельства местного стеклоделия, базирующегося на восточной технологии и привозном сырье» (Рябинин 1995: 57-59; Рябинин 1997: 43-49). С

другой стороны, есть и предметы североευропейского происхождения. Особенно выделяется острие (булавка?), украшенное парными звериными головками (Рябинин 1986: 23-24). Облик обитателей поселения этого времени некоторым образом характеризуют находки лезвия боевого топора и фрагмента кольчужного плетения. Однако, поселение продолжает сохранять незначительные размеры. Яркость его культуры на фоне остальной массы поселений Северо-Запада в значительной степени определяется сохранностью слоя, в целом, и органических материалов, в частности, а также сравнительно высокой степенью изученности.

В 810 — 830-х гг. (IV ярус) застраивается вся площадь центральной части Земляного городища. Создается впечатление, что застройка обретает если не регулярный, то, по крайней мере, упорядоченный характер. Постройка IV-5, обычно рассматриваемая как центральный жилой комплекс усадьбы, окруженный хозяйственными строениями, и относимый к микрогоризонту E3/2 (Кирпичников 1985: 8-10, 15), оказалась, по данным дендрохронологии, сооружена около 811 г. Ее окружение составляют не хлева и амбары, а, прежде всего, «малые» срубные жилища с печью-каменкой в углу. Никакой усадьбы здесь нет. «Большой» дом IV-5 имеет очаг в центре жилого покоя, продольные ряды столбов, что сближает его интерьер с «большими» домами I яруса. Срубная конструкция стен, сами пропорции сруба, близкие к квадрату, конструкция привходного помещения явно связаны с традицией строительства «малых» домов. Подобный симбиоз «североευропейского» интерьера и «восточноевропейской» тех-

Табл. 13. X ярус.

ники домостроительства привел к созданию оригинальной, чисто ладожской формы жилища (Кузьмин, Петров 1990). К северу от жилой зоны — «большого» дома и 4 домов меньшего размера — на участке раскопок В.И.Равдоникаса выявлены хозяйственные постройки. Две из них (IV-14 и IV-15) предназначались для хранения зерна. На участке раскопок Е.А.Рябинина прослеживается преемственность с застройкой III яруса. Зафиксирована усадьба, состоящая из «малого» дома, амбара на пнях-стульях, хозяйственной постройки неясного назначения и стеклодельной мастерской.

Среди находок IV яруса выделяется серия предметов из цветного металла (височные кольца, бляха и обоймица с пуансонным орнаментом, фрагмент орнаментированной спирали и др.), аналогии которым известны как в смоленских длинных курганах, так и на поселениях Верхней Руси конца I тыс н.э. (Мачинская 1990: 56-57; Кузьмин 1995: 13-14; Петров 1996: 25-26). Если предметы, связанные с культурными традициями лесной зоны Восточной Европы, составляют определенный этнографический узор, то североевропейский круг древностей представлен этнографически нейтральными вещами (оружие, гребни).

Увеличение численности жителей поселения в первые десятилетия IX в. отражается не только в полном освоении площадки Земляного городища, но и появлении следов обитания на левом берегу р.Ладожки в районе Ваяжской улицы.

Неясно, что привело к демонтажу постройки IV-5 и строительству на ее месте «малого» дома незадолго до пожара. Как отмечалось

выше, около 840 г. поселение постигла катастрофа, связанная с вражеским вторжением.

Традиционно обжитой участок в пределах раскопа Е.А.Рябинина на уровне V яруса превращается в пустырь; уничтожается и стеклодельная мастерская. После пожара в юго-восточном секторе раскопов Репникова-Равдоникаса-Рябинина строятся два «больших» дома, продолжающих ладожскую традицию и схожих с постройкой IV-5. Один из них (V-9) перекрыл ее остатки. К западу от него, явно связанные с ним в единый планиграфический комплекс, расположились «малые» дома, отстроенные на месте аналогичных жилищ IV яруса (V-5, V-6 и V-7). В северной части раскопов В.И.Равдоникаса был возведен дом каркасно-столбовой конструкции с очагом в центральной части, площадь которого достигала 120 кв.м. Пропорции и конструкция стен позволяют говорить о новом проникновении в Нижнее Поволжье носителей традиции североевропейского халле. Появление на поселении новой группы норманнов подтверждается находками деревянной палочки с рунической надписью, подвески «молот Тора», шашек, особой концентрацией в ярусе деревянных игрушечных мечей, копирующих форму боевых, и др. По всей видимости, с этим же этапом истории Ладоги следует связывать постройку 9 и дренажные каналы, открытые в основании культурных отложений раскопа А.Н.Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 75-76). С 840-х гг. отчетливо прослеживается застройка в районе Ваяжской улицы.

Осмелюсь предположить, что на рубеже 830 — 840-х гг. Ладога была захвачена группой норманнов. Вряд ли стоит сомневаться, что они

заняли в ней доминирующее положение. Но, несмотря на частичное уничтожение или изгнание, носители культурных традиций лесной зоны Восточной Европы остались, если не преобладающим численно, то весьма существенным, компонентом среди обитателей поселка и его округи. Кроме материалов домостроительства об этом свидетельствуют некоторые украшения.

В середине 860-х гг. (около 865 г.) поселение очередной раз подверглось полному разгрому. Кроме мощного слоя пожара драматичность этого события подчеркивают обгоревшие останки женщины и ребенка, обнаруженные в заполнении дренажной канавки в раскопе А.Н.Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 76).

Плотность застройки на площадке Земляного городища на уровне VI и VII ярусов заметно ниже, чем IV и V. Практически полное отсутствие строительных остатков в северной части раскопа В.И.Равдоникаса, возможно, объясняется мощными нивелировочными работами. Но отдельные строения, а главное культурные отложения присутствуют и здесь. Вероятно, это время существенных перемен в структуре поселения. Судя по всему, происходит резкое расширение его площади. Заселяется территория к югу и северу от Земляного городища, расширяется зона застройки на левом берегу Ладозки. Только с этого момента можно говорить о сходстве его топографии с североевропейскими виками и т.н. «открытыми торговоремесленными поселениями» Восточной Европы (Кузьмин, Мачинская 1989: 142-143)⁶.

Судить о реальной планировке и домостроительстве данного периода очень сложно. О свободной планировочной структуре свидетельствуют разбросанные кузнечные комплексы. Один находится в южной части раскопов В.И.Равдоникаса (VI-1), другой, в раскопе А.Н.Кирпичникова (Кирпичников, Назаренко 1997: 75-76). Следы мощной производственной деятельности зафиксированы Г.Ф.Корзухиной в пределах каменной крепости (Корзухина 1961: 82-87). В VI ярусе вообще нет жилых построек, поддающихся реконструкции. Имеющиеся остатки позволяют лишь констатировать, что среди них есть и «большой» и «малый» дома. В VII ярусе залегают остатки двух строительных комплексов, представляющих особый интерес.

Сложный жилищно-хозяйственный комплекс VII-2 в южной части раскопа В.И.Равдоникаса состоит из сруба с печью-каменкой в углу и примыкающего к нему трехстенного прируба с

печью производственного назначения в центре. Прируб с трех сторон окружало какое-то сооружение со стенами и кровлей легкой конструкции, а основной сруб был связан настилом с небольшим рубленным амбаром. Этот комплекс может рассматриваться уже в контексте становления городского домостроительства Северной Руси (Кузьмин 1988: 80-81).

В 1950 г. В.И.Равдоникасом была открыта, а Е.А.Рябининым исследована большая постройка (VII-3), первоначально атрибутированная как жилище купеческой артели (Рябинин 1985: 39-47). Развитая архитектура и некоторые находки явно выделяют данный комплекс из рядовой застройки.

Среди находок этого периода присутствуют как вещи североевропейского круга древностей эпохи викингов, так и предметы круга древностей лесной зоны Восточной Европы. Можно с уверенностью констатировать (особенно принимая во внимание погребальные памятники), что в это время в Ладоге проживают разные этно-культурные коллективы, среди которых отчетливо выделяются скандинавы.

Синяя стеклянная салтовская лунница, найденная в районе кузницы VI-1, возможно, маркирует верхнюю дату функционирования пути на Восток через земли Хазарского каганата. Неизвестны в более верхних слоях и металлические предметы с характерным пуансонным орнаментом. Исчезновение этих категорий древностей предшествует завершающему этапу формирования древнерусской культуры, отразившемуся в Ладоге в материалах VIII-XI ярусов (горизонт Д) Земляного городища и синхронных им напластований Варяжской улицы.

В 920-х гг. (VIII ярус) стремительно застраивается вся площадка земляного городища. В раскопе В.И.Равдоникаса насчитывается более десятка срубных жилищ с печью-каменкой в углу. Некоторые из них имеют привходные тамбуры-сени (VIII-9, VIII-12, VIII-19 и др.), а одна постройка входит в состав сложного жилищно-хозяйственного комплекса VIII-10/VIII-11 (Кузьмин 1988: 81). Застройка вытянута по линии север — юг. Однако, нет никаких оснований видеть в данном случае уличную планировку. Анализ расположения входов в жилища позволяет выделить на участке, исследованном В.И.Равдоникасом, три «гнезда» застройки. Они состоят из 3-5 жилых домов и нескольких полифункциональных неотопливаемых срубных клетей. Очевидно, «гнезда» связаны с группами населения, некоторым образом обособленными в хозяйственном и социальном отношении. Интересно отметить, что постройка VIII-3 совмещала жилые и культовые функции: помимо обычной печи-каменки в углу, в центре ее находился очажок для жертвоприношений, а ряды столбов внутри выделяют ее из серии обычных «малых» домов.

За уличный настил В.И.Равдоникас и Г.П.Гроздилов приняли часть крупного жилого

⁶ Вопрос о времени появления укреплений в Ладоге вообще, и каменной крепости в частности, остро дискуссионен. Критический анализ точки зрения А.Н.Кирпичникова о строительстве первых каменных укреплений во времена Олега Вещего требует отдельной публикации. Отмечу лишь, что с моей точки зрения, археологические доказательства такой датировки, приводимые А.Н.Кирпичниковым, не бесспорны (Кирпичников 1984: 23-42; ср.: Стеценко 1997: 168-176).

комплекса VIII-24, сменившего на рубеже 920 — 930-х гг. дом VII-3 (Рябинин 1985: 43-36; Рябинин, Черных 1988: 97). Бросается в глаза, что, унаследовав от предшественника местоположение, этот комплекс не вписывается в планиграфическую структуру остальной застройки. Такая же ситуация сохраняется и в IX ярусе, после пожара и реконструкции. Она, очевидно, связана с особым статусом хозяев и обитателей больших жилых комплексов VII-3 и VIII-24. Есть основания считать их главными постройками двора правителя Ладоги (князя или его наместника?). Уплотнение застройки отмечено и В.П.Петренко на Варяжской улице (Петренко 1985: 115).

После пожара, случившегося около 950 г. и охватившего все поселение, существенных изменений не произошло. Это важное свидетельство того, что к 920 — 940-м гг. Ладога становится устойчивым поселенческим образованием, и именно с этого момента можно говорить о нем как городе. Древнерусский характер культуры поселения в этот период не вызывает сомнения, но интересно отметить представительную серию скандинавских находок (разнотипные фибулы, наконечники ножен мечей, железная шейная гривна с подвесками в виде «молоточков Тора», подвеска с рунической надписью и др.). Они подтверждают присутствие в Ладоге норманнов, сохраняющих свои культурные и религиозные традиции, которые подпитывались регулярными контактами с Северной Европой и, вероятно, оседанием новых групп выходцев «из-за моря».

При смене застройки IX яруса сооружения-

ми X яруса комплекс VIII-24 был демонтирован, а восточнее появляется сложный комплекс X-5/ X-6/ X-7, состоящий из двух неотопливаемых срубов, избы с печью-каменной в углу и системы настилов (Кузьмин 1988: 81). Размеры построек и характер находок позволяют рассматривать данный комплекс как преемника сооружений, открытых на участке раскопок Е.А.Рябины.

Подводя итоги можно отметить, что картина истории Ладоги, воссозданная с использованием ярусной стратиграфии, в общих чертах совпадает со свидетельствами письменных источников. Захват Ладоги норманнами около 840 г. и пожар, уничтожающий поселение около 865 г., отражают события, помещенные в Повесть временных лет под 859 и 862 гг., как сбор «варягами из-за моря» дани с племен Северной Руси и последующее их изгнание. Перемены в жизни поселения в 920-х гг. отразили успех деятельности первых русских князей, стабилизацию пути из Варяг в Греки — основной коммуникации Руси. Пожар около 950 г. совпадает по времени с деятельностью на севере Руси княгини Ольги, а разрушение культового сооружения на Варяжской улице можно связывать с крещением Новгорода. Набеги ярлов-викингов Эйрика и Свейна, тесно связанные с борьбой за власть в Скандинавии и династической распри на Руси, запечатлены пожарами конца X — начала XI в. Брак Ярослава Владимировича и Ингигерд Шведской и назначение гаутского ярла Рагнвальда правителем Ладоги завершают определенный этап ее истории.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив Института истории материальной культуры РАН:

- Ф. 35, 1938 г., № 206. — Краткий отчет о работе экспедиции 1938 г.
- Ф. 35, 1938 г., № 228. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Дневник Г.П.Гроздилова.
- Ф. 35, 1938 г., № 230. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Описание находок. Коллекция 12. Земляное городище. Раскоп I (Н.И.Репникова). Раскоп II (у берега Волхова).
- Ф. 35, 1938 г., № 238. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Раскоп III. Чертежи полевые и чистовые.
- Ф. 35, 1938 г., № 239. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Грунтовый могильник. Раскопки С.Н.Орлова. Чертежи полевые и чистовые.
- Ф. 35, 1939 г., № 170. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Дневник В.И.Равдоникаса. Ч.1.
- Ф. 35, 1939 г., № 171. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Дневник В.И.Равдоникаса. Ч.2.
- Ф. 35, 1939 г., № 172. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Копия дневника В.И.Равдоникаса, сделанная в

1965 г. Г.Ф.Корзухиной.

- Ф. 35, 1939 г., № 174. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые и полевые.
- Ф. 35, 1939 г., № 241. — Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И.Равдоникас. Сводный план построек горизонта Д за 1938-1939 гг.
- Ф. 35, 1940 г., № 127. — Описание находок Староладожской экспедиции Истфака ЛГУ за 1938-1945 гг. Сводный план сооружений горизонтов Д-Е2 за 1938-1940 гг. Сводный план развалин западной стены церкви Климента за 1939-1940 гг.
- Ф. 35, 1945 г., № 24. — Староладожская экспедиция ЛО ИИМК АН СССР. Начальник В.И.Равдоникас. Сводный план (чистовой, калька, синька) и план постройки.
- Ф. 35, 1947 г., № 3. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 1.
- Ф. 35, 1947 г., № 4. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 2.
- Ф. 35, 1947 г., № 5. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П. Гроздиловым). Тетрадь № 3.
- Ф. 35, 1947 г., № 6. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник эк-

- спедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 4.
- Ф. 35, 1947 г., № 7. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1947 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 5.
- Ф. 35, 1947 г., № 60. — Отчет о раскопках в Старой Ладоге (копия).
- Ф. 35, 1947 г., № 99. — Староладожская экспедиция. Начальник экспедиции В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые.
- Ф. 35, 1947 г., № 100. — Староладожская экспедиция. Начальник экспедиции В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые.
- Ф. 35, 1948 г., № 66. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1948 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 1.
- Ф. 35, 1948 г., № 67. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. 1948 г. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 2.
- Ф. 35, 1948 г., № 68. — Дневник полевых работ Староладожской экспедиции. (Начальник экспедиции В.И.Равдоникас, дневник составлен Г.П.Гроздиловым). Тетрадь № 3.
- Ф. 35, 1948 г., № 83. — Отчет о работах в Старой Ладоге.
- Ф. 35, 1948 г., № 134. — Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые.
- Ф. 35, 1948 г., № 135. — Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи чистовые.
- Ф. 35, 1949 г., № 48. — Отчет о раскопках в Старой Ладоге.
- Ф. 35, 1949 г., № 104. — Описи находок из раскопок 1949 г. в Старой Ладоге, переданных в ГЭ по акту № 43 от 13/II-1951 г.
- Ф. 35, 1950 г., № 41. — Отчет о раскопках в Старой Ладоге с альбомом (копия).
- Ф. 35, 1950 г., № 48. — Описи археологического материала из раскопок.
- Ф. 35, 1950 г., № 108. — Дневник Н.Н.Гуриной о работах экспедиции в Ленинградской области (Старая Ладога).
- Ф. 35, 1950 г., № 105. — Староладожская экспедиция. Начальник В.И.Равдоникас. Земляное городище. Чертежи полевые и чистовые.
- Ф. 35, 1957 г., № 10. — Отчет о работе Староладожской экспедиции в 1957 г. (под руководством В.И.Равдоникаса). Данные археологических разведок по течению р.Ладожки, произведенных А.С.Каманцевой. Заключение об определении хронологии староладожских сооружений методом анализа древесных стволов. Альбом к отчету.
- Ф. 35, 1958 г., № 2. — В.И.Равдоникас. Раскопки в Старой Ладоге. Отчет за 1958 г. И.П.Колесник. Результаты анализа комплекса костяных фрагментов, извлеченных из золы в Земляном городище Старой Ладоги.
- Ф. 35, 1959 г., № 4. — Чертежи раскопок в Старой Ладоге (чистовые).
- Ф. 35, 1959 г., № 6. — Чертежи раскопок в Старой Ладоге (черновые).
- Ф. 35, 1959 г., № 45. — Копия отчета В.И.Равдоникаса с альбомом иллюстраций.
- Ф. 35, 1959 г., № 46. — Земляное городище. Чертежи полевые.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессарабова З.Д. 1995. Новые сведения о древнем ладожском поселении (по материалам археологического досмотра траншей IX и XI). // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород.
- Бессарабова З.Д. 1996. Некоторые замечания к вопросу о топографии древней Ладоги. // ПАМ-2. СПб.
- Греков Б.Д. 1949. Киевская Русь. М.
- Гроздилов Г.П. 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА, XIV.
- Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. // АСГЭ, 17.
- Джаксон Т.Н. 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М.
- Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М.
- Кирпичников А.Н. 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.
- Кирпичников А.Н. 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований). // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Кирпичников А.Н. 1986. Раскопки в Старой Ладоге. // АО 1984 г. М.
- Кирпичников А.Н. Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М.
- Кирпичников А.Н. 1993. Каменные крепости Северной Руси. Итоги исследования и некоторые оценки. // Древности Северо-Запада. СПб.
- Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. 1997. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984-1991 г. // Древности Поволжья. СПб.
- Корзухина Г.Ф. 1961. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. // СА, 3.
- Кузьмин С.Л. 1987. Об одном типе жилища в лесной зоне Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье. // История и археология Новгородской земли. Новгород.
- Кузьмин С.Л. 1988. Некоторые жилищно-хозяйственные комплексы X в. Старой Ладоги (по материалам раскопок В.И.Равдоникаса). // Тихвинский сборник. Вып. 1. Археология Тихвинского края. Тихвин.
- Кузьмин С.Л. 1988. Развитие градостроительной структуры и домостроительных традиций Ладоги VIII-X вв.: Дипломная работа. Л. (Рукопись; хранится на кафедре археологии СПбГУ).
- Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д. 1989. Ладога и ее округа в VIII-X вв. (Этапы становления северного раннесредневекового города). // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. док. Ч. 1. М.
- Кузьмин С.Л., Петров Н.И. 1990. «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII-XI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Кузьмин С.Л. 1995. Ладога и некоторые проблемы археологии Северо-Западной Руси // ПАМ-1. СПб.
- Кузьмин С.Л. 1997а. Начальный этап истории Ладо-

- ги. // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. док. М.-Петрозаводск.
- Кузьмин С.Л. 1997б. Первые десятилетия истории Ладожского поселения // *Stratum+*. Петербургский археологический вестник. «Европейская Сарматия». Сборник статей к 60-летию Д.А.Мачинского и М.Б.Щукина. СПб-Кишинев.
- Кузьмин С.Л. 1998. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого (1919-1997). Т.1. СПб — Псков.
- Мачинский Д.А., Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д. 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII-X вв. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Ч.1. М.
- Лебедев Г.С. 1996. Тридцатилетие варяжской дискуссии // *Археология Петербурга*. СПб.
- Лесман Ю.М. 1996. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки) // *Археология Петербурга*. СПб.
- Мачинская А.Д. 1988. Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладоги. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород.
- Мачинская А.Д., 1990. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Новгород.
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // *Культура Русского Севера*. Л.
- Назаренко В.А. 1997. Об одной особенности планировки ладожской застройки VIII-X вв. (по материалам «Земляного городища») // *ПАМ-3*. СПб.
- Носов Е.Н. 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // *Древности Северо-Запада*. СПб.
- Петренко В.П. 1985. Раскоп на Варяжской улице. (постройки и планировка) // *Средневековая Ладога*. Л.
- Петров Н.И. 1996. Поволховье и Ильменское Поозерье в IX-X вв. СПб.
- Равдоникас В.И. 1949. Старая Ладога (из итогов археологического исследования 1938-1947 гг.). Ч.1. // *СА*, XI.
- Равдоникас В.И. 1950. Старая Ладога. Ч.2. // *СА*, XII.
- Репников Н.И. 1904. Поездка Н.И.Репникова в Старую Ладогу. // *ЗОРСА*, Т.5., вып.2. СПб.
- Рыдзевская Е.А. 1945. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. // *КСИИМК*, XI.
- Рябинин Е.А. 1980. Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги // *Скандинавский сборник XXV*. Таллин.
- Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973-75 гг.) // *Средневековая Ладога*. Л.
- Рябинин Е.А. 1986. Исследования в Старой Ладоге. // *АО* 1984 г. М.
- Рябинин Е.А., Черных Н.Б. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология Староладожского Земляного городища в свете новых исследований. // *СА*, 1.
- Рябинин Е.А. 1994. У истоков ремесленного производства в Ладоге. // *Новые источники по археологии Северо-Запада*. СПб.
- Рябинин Е.А. 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладоги и их скандинавские аналогии). // *ПАМ-1*. СПб.
- Рябинин Е.А. 1997. Начальный этап стеклоделия в Балтийском регионе (по материалам исследований Ладоги VIII-IX вв.). // *Дивинец Староладожский*. СПб.
- Старая Ладога. 1948. Л.
- Сорокин П.Е. 1997. Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси. // *Древности Поволховья*. СПб.
- Стеценко Н.К. 1995. Новые материалы по археологии Ладоги. // *ПАМ-1*. СПб.
- Стеценко Н.К. 1997. История Ладожской крепости и проблемы ее изучения. // *Дивинец Староладожский*. СПб.
- Френкель Я.В. 1997. Стекланные бусы Сяьского Городища (раскопки 1987-89 и 1996-97). // *ПАМ-3*. СПб.
- Черных Н.Б. 1985. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы). // *Средневековая Ладога*. Л.
- Черных Н.Б. 1996. Дендрохронология и археология. М.